

«ВОЛИМ ТЕ...» потому что у всех у нас души такие же простые и широкие, как твои равнины. Люблю тебя от стога до неба, от грязи до пшеницы. Люблю тебя и злую, и добрую, люблю тебя одинокую, люблю и не стыжусь твоей речи протяжной...

Этот отрывок из стихотворения сербского поэта Милоша Антича о Воеводине прочитал нам актер Новосадского театра Влада Матич. В подстрочном переводе стихи, естественно, во многом потеряли свою звучность; по-сербски же они звучат то нежно-напевно, то жестко, мужественно. «Воеводина, о твоём здравии плачу...».

Мне часто приходят на память эти стихи. Может быть, потому, что с каким-то особенно пронзительным чувством родины читал их артист, или потому, что слушали мы их на вершине горы, откуда далеко видна Воеводина — одна из областей Югославии.

Здесь стоит памятник Партизанской славы. Фигура женщины, могучая и гордая, летящая и стойкая, вся призыв и благословение на бой, как бы олицетворяет собой Югославию, родину храбрых.

Горы Югославии с виноградниками на склонах — одна из главных ее красот... В горных лесных чащах вечерами чудится мерцание партизанских костров. «Вот она, старая партизанская дорога». «Здесь был лагерь, а тут партизанский штаб»... — эти слова часто можно услышать в горах.

В войну, я помню, много писали о югославской Народной армии, которую вел против гитлеровцев Иосип Броз Тито; писали о наших воинах, сражавшихся в партизанских отрядах в горах Югославии. И вот теперь все это как будто ожило, встало перед глазами. Год 1944-й... Юность. Ощущение близкой победы, и песни:

Ночь над Белградом тихая
вышла на встречу дня...

Югославия помнит войну. Помнят и чьи-то сыновей и дочерей, оборонявших родину от фашизма. Помнят, что в этой борьбе рядом с ней и впереди шла Советская Армия.

И, может быть, поэтому таким острым, сердечным, искренним было стремление узнать и понять друг друга, стремление, окрасившее встречи москвичей — артистов и режиссеров Театра имени Моссовета — с театральными деятелями Белграда, Загреба, Нови Сада, Новочека, потому зачастую так длительны, волнующе-откровенны и так в основе своей братски добродетельны были беседы наших товарищей с югославскими актерами, режиссерами, руководителями театров. Только друзья, близкие по духу, могут с таким жадным сердечным интересом спрашивать еще и еще, отвечать так подробно, посвящать друг друга все передуманное, переувещанное и до конца для себя решенное...

О ЧЕМ ГОВОРИЛИ? О многом. Например, о том, что есть истинно революционный театр и театр «авангардистский», «левый» по фразеологии и формальным признакам; о классике в современном театре; о театральном самоуправлении; и, конечно, о современных пьесах; о том, как в них отражена жизнь, ее насущные проблемы.

Беседы и встречи продолжались иной раз до трех и до четырех утра, а в десять автобусы снова стояли у подъезда гостиницы, и снова московские гости везли туда, где их ждали друзья, навстречу новым знакомствам, впечатлениям, словам... Вечерами те, кто не был занят в спектакле, выступали с шефскими концертами на заводах, в домах культуры, в институтах и училищах... И всюду дружеские улыбки при первых же звуках русской речи, слова приветствия и благодарности, и та особая драгоценная тишина зрительных залов, взрывающаяся аплодисментами на каждом спектакле и концерте москвичей...

Особенно на спектакле «Совести». Она полна «звездочек», в самую гущу проблем, волнующих сегодня Югославию. Редко приходится видеть такой активно сопричастный...

«Волим те (серб.-хорв.) — люблю тебя».

ший зрительный зал, такое бешеное в антрактах фойе, как во время «Совести», показанной москвичами в Белграде. Спектакль глубоко человеческий, истинно партийный, он заставляет вновь и вновь задуматься о личной ответственности коммуниста за все, что вокруг, за свои и чужие поступки, за общее, а следовательно, и свое дело.

О том, что эта тема и здесь сейчас волнующе остра, свидетельствуют и многие произведения югославской драматургии, и спектакли, поставленные на сценах югославских театров.

Одна из них — «Елена Четкович» Александра Поповича в Народном театре Белграда. Пьеса рассказывает о днях войны, об антифашистском подполье, его героине Елене Четкович, замученной гитлеровцами весной 1943 года.

...На сцене за столом молодежь,

Иванов — С. Жигон.

Давовой разговор, размышления, споры... Актеры не играют в консервацию, в заготовку, хотя речь и идет о том, как вывести из строя, обезвредить матерого фашиста. Верить, что люди на сцене заняты делом, ставшим в данный момент смыслом их жизни. Верить в их внутреннюю собранность, готовность к подвигу.

Режиссеру Б. Григоровичу, актерам К. Поповичу, С. и Б. Ближич и другим удалось показать главное в этой пьесе — героизм без малейшего оттенка ходульности, героизм как ярчайшее проявление ответственности за чистоту своей совести, за самое важное для родины дело.

Когда один приводит в исполнение приговор над трусом и предателем, с ним делая ответственность все остальные. Но и сам он — не слепое орудие мести, а сознательный боец, совершающий нечеловечески трудный акт — убийство человека, еще недавно близкого и дорогого ему, во имя других десятков и сотней жизней.

Автор и театр не страшатся острых ситуаций, не впадают при этом в натурализм или в ложную героизацию. Финальная сцена происходит в фашистском застенке. Палачи допрашивают, пытаются Елену и ее товарищей по подполью, но безуспешно: побеждают душевная стойкость, воля патриотов.

Зрительный зал был заполнен почти исключительно молодежью. Проникновеннее на сцене заинтересовывало ее не своей детективной стороной — это ведь всегда легко распознать по реакции зала, да и не на это были нацелены пьеса и спектакль. Так серьезно играли артисты, так далеки они были от поверхностного самопоказательства, так велика была их собственная вера в силу и красоту правды, что зрители — молодежь — оказались великим захваченными судьбами героев пьесы, напряженностью их внутренней жизни, их способностью побеждать в себе сомнения и страх, нравственным ве-

личем и остротой боязни.

Этот спектакль — патристический и гражданский в самом высоком значении этих слов — особенно хорош тем, что его патристизм и гражданственность не декламационны, а пропущены через самые глубокие и тонкие душевные каналы, и потому сфера воздействия его на зрителя необычайно объемна.

Грешный человек, я позавидовал: как не хватает нашему театру такой пьесы! Как она нужна нашему молодому зрителю! Уверена, что воспринята она была бы у нас не менее увлеченно и сердечно, чем югославскими юношами и девушками.

ВЗВОЛНОВАННОСТЬ судьбы — ми ролями, ее сегодняшним днем, ее радостями и печалью, достижениями и просчетами, вера в высокие идеалы находят свое, может быть, не истеричное, но

Журналист вернулся из командировки

„ВОЛИМ ТЕ...“

значительное выражение в театральном искусстве Югославии.

В пьесе «Слепые стены» Миодрага Илича (из репертуара Современного театра в Белграде) прослеживается путь человека, который, получив образование, задумал вернуться в маленький городок, где он родился. Этот человек полон желания помочь людям — поднять их духовную культуру. Но не всегда, говорит автор, эти порывы легко осуществимы. Следа не волею и не всегда спеша сразу принять и понять такого человека. Мекает разница в уровне сознания... И нужны воля, энергия, чтобы сломать возникшую стену недоверия.

О связи с народом как о главной теме, необходимой коммунисту, чтобы жить и творить, рассказывает югославский писатель Оскар Давич. Бетон и светляки, выдержавшая сорок лет, представляется в Современном театре. «Полночь на восточном берегу», — сказал мне о ней режиссер Александр Огнянович, инсценировавший и поставивший этот спектакль. В конце пьесы в результате катастрофы герой произнесения гибнет, спасая людей. Это трагедия только завершает длительный процесс — внутреннюю трагедию человека, потерявшего связь с людьми, рожающего пугать «наперед революция», человека, который перестал понимать окружающих его людей.

Пьесу Мариана Матковича «Раненая птица» горячо рекомендовали нам в Драматическом театре Загреба как одну из наиболее интересных современных пьес. В ней, как, впрочем, и в некоторых других произведениях, проявляется интерес к повседневным судьбам людей, к маленьким высоким интеллектом, привыкшим отвечать не только за самих себя, интерес к сложностям и многообразию этих судеб. В пьесе ясно звучит забота автора о моральном совершенствовании людей, строителей нового мира, мысль о том, что каждый из ответов не только за самого себя.

Есть своя внутренняя оправданность, закономерность и в выборе такой пьесы, как «Иванова» А. Чехова, для постановки в Драматическом театре Белграда. Ю. Завальский, создавший здесь этот спектакль, воплощал сегодняшнее значение пьесы и полет замечательного артиста С. Жигона, исполнителя главной роли, по-прежнему в очень трудном пути.

Глаза Иванова — С. Жигон, добрые, мученические, все время как бы излучают мысль; вы постоянно ощущаете ее напряженную работу: чувствуете, как одиноко, раним и светел этот человек, как добр он к людям и как заставляют его страдать злоба и глупость; как презирает он свое бессилие, свое неумение справиться с жизнью, сделать ее более человеческой. И трагический финал — самоубийство Иванова — прозвучал как суровый приговор себе за то, что взыскательному нравственному взору представляется слабостью, подлостью, трусостью; справедливый расчет с самим собой — как результат внутренней бескомпромиссной требовательности.

И, может быть, поэтому не так уж важны стали в этом спектакле правдоподобность, всамделишность мешанского мира Зюсюшки. Представители его в спектакле получали несколько протекское толкование. Нарочитость, марionеточность их поведения как бы углубляют водораздел между их миром и миром Ивановых, людей с живым, обнаженным сердцем, подчеркивают их несомненность.

Значительное место на югославской сцене занимают и «антимешанские пьесы».

В конце прошлого сезона в Драматическом театре Белграда режиссер М. Белович поставил пьесу В. Ивановича «Наши сыновья». Впервые драматург увидел ее на сцене в 1906 году, и вот теперь, спустя шестьдесят лет, ему показали новое сценическое воплощение его произведения. Наряду с этой, направленной против мешанских «добродетелей» пьесой, в театрах Югославии поставлены на эту же тему комедия-фарс «Соблазн в Шенфлоранской долине» Ивана Цанкара, получившая первую премию на последнем фестивале «Стерийно позорье» и «Дамасская сабля» Александра Поповича. А в начале нынешнего сезона режиссер А. Огнянович осуществил на сцене Современного театра постановку пьесы Н. Эрмана «Маядат».

В «Маядате» я хотел развернуть картину мешанской глупости, гражданской мимикрии, свойственной мелкобуржуазной стихии, — так объяснил свой замысел режиссер спектакля.

Картина получилась веселой, едкой, насмешливой, и весь спектакль — звонкая прощелка мешанству, начиная с пролога, где актеры бегом и прыжком читают стихи В. Маяковского «О дряни», одеваясь, готовясь к спектаклю, и кончая эпилогом, в котором генерал входит в витрину, где хранились его генеральский мундир, и остается стоять там как замешавшая музейная редкость.

Спектакль этот, яркий, без тени мрачности, озорной, ритмически и музыкально острый, пользуется огромным успехом у зрителей и является, на мой взгляд, новым, по-настоящему современным прочтением комедии Н. Эрмана.

Нищета духа, канареечные масштабы характеров и жизненных устремлений нафталинового мирка Гулячких протекское очерчены исполнителями — Ярославом Бжеличем (Павел Гулячкин), Мирной Копич (его мать), Данишей Поморишца (его сестра) и другими. Игривость, законсервированность «царства» бывшего генерала Автонома Сигизмундовича (его замечательно играет артист Н. Милич) выявляются актерами, занятыми в этих сценах, остро и ясно: все в этом царстве — чувствуем мы — неважнраву, неважнраву, как в сказке о городе дураков.

Социальная ограниченность, после-

дышей старого строя трактуется театром прежде всего как умственная недостаточность. Актеры, преображавшиеся в Гулячких и Сметаричей, судят своих «героев» беспристрастным судом истории, судят прежде всего за глупость, историческую близорукость, за невежество и отсталость.

Сатирический волеви — так, пожалуй, можно определить жанр этого спектакля, в котором смелая фантазия и острая мысль режиссера нашли свое неожиданное, яркое выражение.

Кстати, в этом же театре с успехом идут «Метель» Л. Леонова и «Зависть» Ю. Олени, но к моему великому сожалению, мне не удалось их посмотреть.

К 50-летию Октябрьской революции мы намереваемся провести неделю советских спектаклей, — сказал А. Огнянович, — и очень ждем новых советских пьес.

ДАЖЕ при самом бедном знакомстве с жизнью югославских театров можно с уверенностью сделать вывод, что жизнь эта протекает в непрерывных и напряженных поисках репертуарного разнообразия, многообразия стилей, в стремлении к совершенствованию актерского и режиссерского мастерства. И это, пожалуй, самое главное — к установлению теснейших связей, контактов со зрителями, особенно с молодежью.

Внимание к зрителям, желание узнать, каковы их вкусы, интересы, чего ждут они от театра в данный момент, носят здесь отнюдь не формальный, а глубоко продуманный, искренний характер.

В новосадском театре мне показали листовки-анкеты, в которых зрителям сообщался репертуарный план нового сезона и предлагалось отметить, какие из названных пьес их интересуют, какие нет, и написать, что хотелось бы им видеть на сцене своего театра. Такого же рода анкеты, как мне сообщили, печатаются в газетах в конце сезона. Репертуарные планы широко обсуждаются на заседаниях театральных советов (высший орган театрального самоуправления), куда входят и особенно преданные поклонники театрального искусства.

При некоторых театрах, например «Ателье 212» («это как наш «Современник» или Театр на Таганке», — заметил А. Огнянович), есть свой клуб друзей театра, состоящий главным образом из молодежи. В этих клубах тоже начинаются проблемы репертуара. В конце сезона в театрах проводятся встречи со зрителями на репертуарные темы.

В учебных заведениях существуют общества «Друзей театра». Актеры, режиссеры бывают на собраниях этих обществ, рассказывают о своих спектаклях, о планах театров.

Самой собой разумеется, что такого рода тесное постоянное общение со зрителями укрепляет интерес работников театра к современной драматургии. Они отчетливо понимают: нужны современные пьесы, ибо именно это прежде всего интересует зрителей. И театры делают многое для того, чтобы в их репертуаре появлялись пьесы о современности.

Интересно в связи с этим высказывание режиссера М. Беловича: «Покажется странным», — сказал он, — но я не жалуюсь на современных драматургов. Не надо кричать: «Дайте мне такую и такую пьесу, и я покажу миру, каков я режиссер». Современная драматургия отражает наше время. Но, увы, мы плохо или поверхностно знакомы с ней. Многие режиссеры не желают рисковать. Но если со всех сторон — «проверено — мин нет» (если кто-то другой уже решил проблему), я думаю, что тогда исчезают красота и драматизм творческого процесса и что режиссерское призвание теряет свою поэзию».

ВОТ УЖЕ ДВА МЕСЯЦА прошло после нашей поездки, а как свежи, явственны в памяти впечатления, встречи, разговоры. Стоит закрыть глаза, и как будто вновь видишь: тихие улочки старого Загреба, стрелы башенных крапов и стрелительные леса над Новым Садом, неповторимое своеобразие новых зданий Белграда, его новой части, что раскинулась недалеко от того места, где сливаются воды Дуная и Савы.

Вновь и вновь вижу я перед собой говорящий взгляд Иванова — С. Жигона, тихую, любящую Сарру в исполнении Майи Дмитриевич в том же спектакле, неповторимого Николая Милича в роли Автонома Сигизмундовича («Маядат»), Герпана и его слугу в исполнении замечательных актеров Загребского театра, Перо Курчица и Эмilia Гладя. И как живая видится мне национальная героиня югославского народа Елена Четкович, образ которой с такой захватывающей гражданской страстью воплотила на сцене актриса Ксения Попович.

Два месяца — срок и большой, и малый. Во всяком случае достаточно большой для того, чтобы попытаться выделить из суммы всех впечатлений о театрах Югославии самое главное. «Мужественный театр» — так, пожалуй, можно его определить. Мужественный и в выборе тем, и в подходе к их сценическому решению, и в манере актерской игры, и в способности режиссуры к самоограничению во имя мысли произведения.

Известно, что в искусстве находит отражение народный характер. Думается, что, несмотря на довольно пеструю картину, какую представляет собой театральное искусство в сегодняшнем театре Югославии, трудно услышать его главную ноту: он настроен на волну современности в самом глубоком значении этого понятия.

Н. ИГНАТОВА,
спец. корр. «Советской культуры».
БЕЛГРАД — МОСКВА.